

Виктор Ерофеев: "Из Калькутты или из Интернета появится новый Бог"

Досье

Виктор Ерофеев приобрел известность благодаря публикации в журнале "Вопросы литературы" эссе о творчестве маркиза де Сада. В 1975 году защитил кандидатскую диссертацию "Достоевский и французский экзистенциализм". В 1979 году принимал участие в организации самиздатовского альманаха "Метрополь". До 1988 года его проза не печаталась. В 1990 году его роман "Русская красавица", переведенный с тех пор на 30 языков, становится международным бестселлером, выходит в России. По его рассказу "Жизнь с идиотом" композитор Альфред Шнитке написал оперу, премьера которой состоялась в Амстердаме в 1992 году. В 1993 году по тому же рассказу петербургский режиссер Александр Рогожкин снял одноименный фильм. Его последняя книга "Бог X". В рамках Невского книжного форума Виктор Ерофеев встречался с читателями в магазине "Буквоед", после чего дал интервью нашему корреспонденту. Встреча была организована издательством "ЭКСМО".

"В который раз преподносит непостижимая жизнь этот мучительный подарок?.. В тот момент, когда вы открываете книгу Виктора Ерофеева, вы сразу испытываете такой двойной эффект соприкосновения с издавна знакомым, но совершенно небывалым, то потрясение от встречи с адом и одновременно с раем, совершившееся внутри каждого из нас, ту абсолютную непостижимость чего-то, казалось бы, совершенно избитого и банального. Не знаешь, от чего задыхаться - от возмущения кощунством сюжетов и характеров или от разреженной атмосферы замалчиваемой, но ясно ощущаемой мученической святости", - сказал о книгах Виктора Ерофеева Альфред Шнитке. Лучше, наверно, и не скажем...

- Виктор Владимирович, ваши книги пользуются огромной популярностью за рубежом. Западные издательства очень отличаются от российских?

- Западные издательства гораздо более человечны по отношению к автору. Это предприятие, которое если уж не любит автора, то по крайней мере относится к нему очень бережно. У нас только несколько авторов, вокруг которых бегают издатели, а все остальные находятся на положении крепостных крестьян. Издательство может обмануть, не заплатить, не раскручивать. Выплачивают очень маленькие гонорары, на которые нельзя прожить. Значит, приходится отвлекаться...

Западные издательства дают авансы, поощряют, "не лезут" в книгу, дают свободу. Я пережил славу, редкую для российского автора. "Русская красавица", наверно, одна из самых уважаемых книг последнего десятилетия на Западе.

- Вас долго не печатали. Чувство от издания первой книги и тех, которые выходят сейчас, сопоставимы?

- Конечно! Когда меня не печатали, я был похож на парашютиста, который выпрыгнул с самолета, а парашют не раскрывается. Можно было долететь до земли и разбиться. То же ощущение, когда не печатают. Если писатель стоит своего имени, он достоин славы.

- Вы согласны с мнением, что

писателями становятся от одиночества?

- Писатели вообще одинокие люди. У них по-особому сложена голова, сознание. Действительно, у всех писателей, по-моему, очень одинокая юность. Сейчас этого одиночества нет по разным причинам, одна из них - моя жена Женя. А вообще одиночество - это, наверно, писательская судьба.

- В книге "Мужчины" вы написали, что сейчас "80 процентов мужиков, а мужчин нет..."

- Мужчины в России потерпели социальную катастрофу. До 1917 года было вполне приличное большое количество мужчин в России. А потом мужчина был разрушен, потому что мужчина по своей сути независимый, гордый, а с советской властью это не сочеталось. В результате за 80 лет из мужчины сделали колбасу, потому что самая серьезная проблема, когда мужчина теряет волю, - он превращается в исполнителя...

В моей книге "Лабиринт" есть довольно серьезная работа, очень грустная, - "Морфология русского народного секса", где я пишу о том, что весь русский секс строится на насилии: на оскорблении, унижении, отсутствии любви. Это было проанализировано и замечено в сказках Афанасьева. Модель русской эротической сказки: захотелось - обманул - унизил - убежал... Эта культура, или бескультура, стала главенствующей в советское время...

Когда советское время закончилось, стали появляться люди с большими деньгами, и казалось, что возрождение русского мужчины очень быстро произойдет. Но, к сожалению, нет. Так как нам некуда отходить: у нас не было рыцарства, основы русского капитализма были очень слабы, русское офицерство переродилось... Когда смотришь чеченскую войну и видишь отвратительных русских генералов, которые не жалеют ребят, ведут себя по-хамски и рядом - чеченцы, красивые, мужественные... Не важно, кто прав, но эстетически мы видим, что противостояние невозможно. У многих ощущение, что мужчина - уже иностранное слово.

В сентябре на ОРТ я запускаю ток-шоу, посвященное мужчинам, - шоу, посвященное возрождению русского мужчины. Лечить ток-шоу

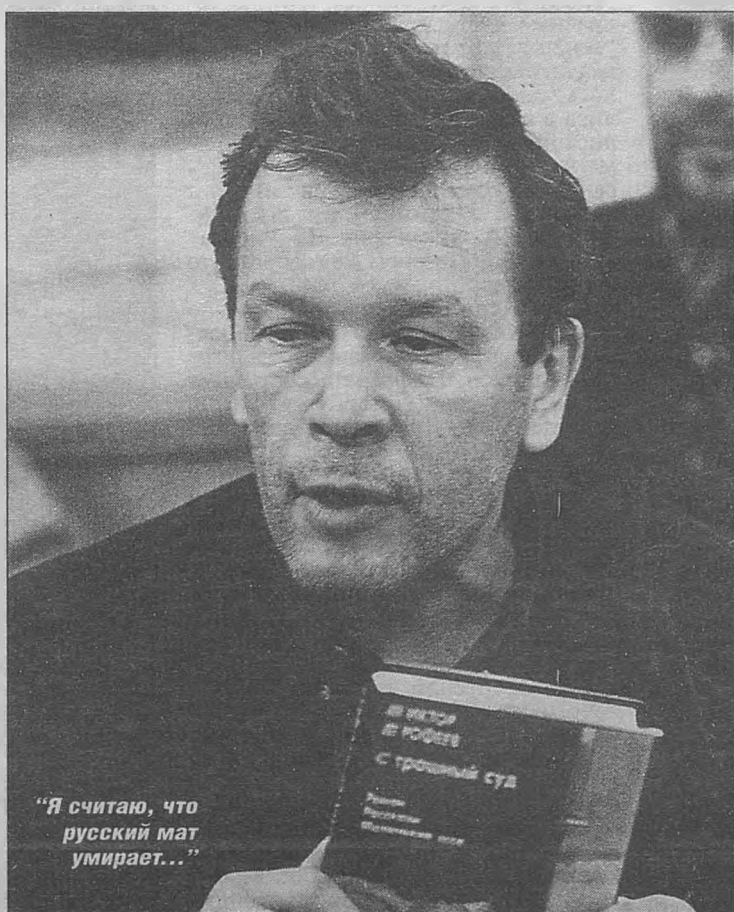


Фото Виктора ДЮЖАЕВА

смешно, но показать эту проблему, заострить внимание считаю необходимым.

- Вас часто упрекают за использование ненормативной лексики в своих произведениях...

- В моей книге "Лабиринт" есть глава "Последние судороги русского мата". Я считаю, что русский мат умирает, уже на заборе мат не пишут. В отличие от западных языков русский матерный язык шаманский. Почему эти слова шокируют? Потому что мы их закодировали как шокирующие. Определение некоторых эротических зон, которые в русском языке не нашли своего нейтрального словообозначения. Мы из зоны выходим, придумали в конце 70-х слово "трахать". Слово "блин" заменило другое. Мы, наверно, последнее поколение, которое будет реагировать на эти магические слова, потому что эти слова разделились.

Теперь приобретают смысл просто вульгарные слова, которые есть в каждом языке. Происходит разрушение определенной культуры, на ее останках возникает другая культура. Но поскольку у нас страна многослойная, то есть еще такой слой, где папа - пропащий алкоголик и ругается, и это является знаком антикультуры, которая используется учительницей: не надо ругаться, это некультурно.

- Чем вы объясняете свой ранний интерес к маркизу де Саду?

- У меня, действительно, было раннее знакомство с творчеством маркиза де Сада. Он меня потряс тем, что он один в конце XVIII века мог создать философское настроение, которое было против всей культуры Просвещения.

Мы всегда ищем зло в среде, во внешнем: виноваты все, кроме нас самих. Это большая слабость российской культуры. Мы не несем ответствен-

ности за то зло, которое причиняем. А маркиз де Сад говорил о том, что в человеке присутствуют садистские желания. Наша культура очень слаба в идее садизма: мы - люди, выращенные на десерте, мы слышим с детства, что человек добр, и мы наедаемся сладкого и выходим в жизнь и видим бандитов, всякую сволочь, и у нас начинается шизофрения: реальность нас ломает. Но когда западная культура Сада приняла и признала, что половина наших инстинктов связана с подавлением других, значит, надо выстроить такое общество, чтобы эти вещи были блокированы... И понимаешь, что общество может быть несовершенным, но оно снимает определенные моменты агрессии. А наше общество строит из себя невинное дитя: мы лучшие, - все выворачивается: коммунизм превращается в унижение, вы сами знаете: любя продащица была садисткой по отношению к покупателю...

- Что же может нам помочь? Может быть, религия?

- Это личное дело каждого - включены вы эмоционально в веру или нет. Будешь ли ты верить в Христа, Аллаха, Магомета - это не важно. Когда я проехал по пяти рекам мира - Нигеру, Волге, Гангу, Рейну, Миссисипи, получилась полная ерунда: мир кажется маленьким, в каждом доме отстаивается право на истину, в каждом доме свой бог.

Мне кажется, что мы находимся перед новой метафизической революцией. Наверно, в XXI веке из Калькутты или из Интернета появится новое понятие о боге, которое опять может превратиться в пожар, который все охватит, но опять-таки это не будет богом, а лишь нашим представлением о нем.

Беседовала
Татьяна БОЛотовская